

придавленность и усыпляющих классовую борьбу» (Соч., т. 35, стр. 93). Позитивная сторона манихейства так же глушила классовую борьбу, хотя в нем отразились чувства и настроения эксплуатируемых.

Этим приходится ограничить нашу характеристику манихейства в Римской империи конца III — начала IV в. Вне всякого сомнения, оно развивалось, происходило социальное расслоение общин, появлялся богатый клир, изменялись первоначальные социальные принципы. Однако углубление в этот вопрос вывело бы нас слишком далеко за рамки темы.

А. Л. Кац

МИРОВОЗЗРЕНИЕ М. С. КУТОРГИ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Михаил Семенович Куторга (1809—1886 гг.) был современником Грановского, Кудрявцева и Ешевского. Почти одновременно начали свою деятельность Грановский в Московском университете (1835 г.), Куторга — в Петербургском (1836 г.), в стенах которого он провел тридцать три года. В 1869 г. Куторга перешел в Московский университет, заняв кафедру всеобщей истории вскоре после смерти Ешевского. В 1874 г. вышел в отставку и последние 12 лет своей жизни посвятил исследовательской работе.

Формирование мировоззрения Куторги и первые десятилетия его научной деятельности падают на период, когда русский либерализм играл прогрессивную роль; все основные идеи Куторги связаны именно с этим прогрессивным этапом русского либерализма.

В течение всей своей преподавательской и научной деятельности Куторга, как и Грановский, выступал противником крепостничества и самодержавия. В оценке современной ему русской действительности Куторга в отдельных вопросах занимал более радикальные позиции, чем Грановский. Он явно не сочувствовал идеям русской государственной школы и не считал монархическое государство ведущим началом в истории народа. В учебном плане лекций Куторги в 1864/65 учебном году значится специальная тема: «Различие между историею народа и историею государства»¹. Среди русских историков-либералов своего времени Куторга был единственный, кто уделял огромное внимание изучению положения рабов.

По свидетельству современников, начало преподавательской деятельности Куторги ознаменовалось рядом либеральных выпадов против николаевского режима. После окрика начальства эти выпады прекратились, однако в дальнейшем в работах Куторги продолжают встречаться отдельные критические высказывания о современной ему русской действительности. Так, касаясь положения древнегреческих рабов, Куторга писал: «Изучение политического быта древних эллинских рабов представляет много любопытного, в особенности для нас, русских, так как в общем положении сих рабов оказывается чрезвычайное сходство с положением бывших в России крепостных, и устройство различных разрядов афинских рабов совершенно напоминает прекратившееся ныне устройство крепостных людей»². Это сопоставление положения крепостных в России с положением рабов характеризует отношение Куторги к крепостному праву.

Противопоставляя феодально-дворянскому порядку порядок буржуазной демократии, Куторга подчеркивает, что его политический идеал не имеет ничего общего с народной революцией, именуемой им своеволием. Понятие свободы он постоянно связывает с буржуазной «законностью».

Свобода и законность, по словам Куторги, «составляют духовную и нравст-

¹ См. Архив АН СССР, фонд 216, опись 3, лист 1154.

² М. С. К у т о р г а, Собр. соч., т. I, СПб., 1894, стр. 160—161.

венную потребность человека и, никогда не разлучаясь, идут в согласии к одной цели. Их совокупность выражают теперь словами: свобода и порядок»¹.

В этом требовании «законности» и «порядка» — в чем всегда сходились либералы и крепостники — выражается сущность либерализма Куторги.

Традиция, созданная в русской буржуазной историографии учеником Куторги проф. Бауэром² и состоящая в том, что Куторга был якобы последователем Нибура, является совершенно несостоятельной. Критическое отношение Куторги к древним источникам еще вовсе не является доказательством его принадлежности к нибуровской школе. Больше того, подобное утверждение стоит в прямом противоречии со взглядами Куторги. Как известно, школа Нибура отличалась не только критическим использованием источников, но и глубоким скептицизмом по отношению к античной традиции о древнейшем периоде римской истории, — Куторга, изучавший древнейший период греческой истории, выступил горячим защитником достоверности античной традиции. Он написал специальное исследование «О достоверности древнейшей греческой истории», в котором подверг критическому разбору скептицизм в исторической науке, начиная со времен Вико. Он считает, что скептицизм в прошлом сыграл свою положительную роль. По мнению Куторги, скептицизм является первой ступенью исторического познания, и заслуга скептицизма в том, что он развил критику исторических источников³.

Но в XIX в., по мысли Куторги, наступило время, когда необходимо подняться на следующую ступень, на ступень положительного знания; это знание должно вырастать на основе использования всего критического опыта скептицизма.

Формулируя в этом свете свой взгляд на древнейшую историю Греции, Куторга пишет: «Мы думаем, что история древнейшего периода Греции не в такой степени недоступна, как смотрят на нее теперь писатели, посвящающие себя ее изучению; что в повествованиях историков содержится истина, основанная не на изустном предании, а на подлинных исторических памятниках; что с древнейших времен существовала в Греции письменность, доставившая историкам возможность приобрести положительные данные; и что рассмотрение древнейших событий подтверждает эти положения, несколько их не опровергая»⁴. Эти положения Куторги стоят в явном противоречии с положениями Нибура. Свою задачу Куторга видел именно в том, чтобы внести свой вклад в положительную науку об истории древней Греции⁵.

Если говорить о влиянии на Куторгу зарубежной историографии, то либеральным симпатиям Куторги больше всего импонировала французская историческая наука, создавшая передовую для того времени буржуазную теорию классовой борьбы, одним из главных авторов которой был Гизо. На это обстоятельство обратил внимание еще Н. Г. Чернышевский⁶. Гизо был почти единственным из зарубежных историков, выводы которого Куторга, всю жизнь ратовавший за самостоятельность русской науки, высоко ценил. Следы влияния буржуазной теории классовой борьбы явственно выступают в работах Куторги. Следует подчеркнуть также, что Куторга применял эту теорию к совершенно иному материалу, чем французские историки, и в этом применении пошел гораздо дальше своих французских коллег: в отличие от французских историков, решительно игнорировавших положение трудящихся масс в средние века, Куторга предпринял крупное исследование о положении рабов в Греции и о борьбе их с рабовладельцами.

¹ М. С. К у т о р г а. О науке и ее значении в государстве, «Русский вестник», 1873, № 3, стр. 40.

² См. биографию Куторги, написанную Бауэром, в кн.: В. В. Г р и г о р ь е в, Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, стр. 214.

³ М. С. К у т о р г а, Собр. соч., т. II, СПб., 1896, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й, Полное собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 105.

В специальной работе «О науке и ее значении в государстве»¹ Куторга формулирует задачи исторической науки. Он исходит из того, что наука должна иметь национальный облик, ибо «у различных народов она облекается в различные формы и как бы налагает на себя различную одежду»². В связи с этим он выражал прямой протест против низкопоклонства перед Западом, характерного для царской России этого времени.

Вместе с тем Куторга считал, что заимствования достижений у чужого народа не только возможны, но и необходимы, однако они служат развитию культуры народа лишь при том условии, если сам народ создает свою самобытную культуру; в противном случае эти заимствования служат лишь «наружным украшением, доставляют удобства жизни и производят мгновенный блеск, в сущности же бесполезны и обманчивы, так как прикрывают невежество; это позолота, не чистое золото. Успех общества зависит от самобытной умственной деятельности, неразлучной с творчеством», иначе говоря — задача состоит в том, чтобы достижения чужой культуры «переработать, применить к нравам, обычаям, религии, языку народа, посеять и взрастить науку на родной почве и согласить ее с гением народа, словом, слить с народностью»³. Особенно опасны внешние влияния, если они реакционны. В качестве примера Куторга указывает на пезуитов, засилье которых низвело передовые страны Европы в разряд стран отсталых.

Таким образом, по мнению Куторги, наука должна быть прежде всего самобытна, национальна. Основным условием ее развития является свобода мысли. «Нет необходимости доказывать, что свобода мысли есть первое и самое главное условие, без которого наука не только не разрабатывается и не процветает, но вообще не зарождается. Наука, как сам разум, не знает ни оков, ни стеснений, ни предписаний... Свобода мысли есть жизнь, так сказать, кровь и плоть науки... Словом, свобода есть существенное свойство науки, служащее источником, из коего исходят все ее отличительные признаки и откуда она заимствует свой вес и значение»⁴. Куторга старается подчеркнуть, что наука не терпит каких-либо внешних предписаний, что «успех общества зависит от самого общества», а не от воздействия на него извне. В условиях царских порядков с их цензурой и полицейской опекой над наукой тезис Куторги о свободе мысли имел, несомненно, прогрессивное значение.

Коренной для исторической науки вопрос о предмете истории Куторга решал с идеалистических позиций. Весь ход истории он в конечном счете сводил к духовной деятельности людей. «События зависят от тех духовных начал, которыми нация проникнута, и от той степени образованности, на которой она находится; ... причина событий лежит глубоко в состоянии народа и только из него исходит»⁵. Куторга делил общественные явления на «события» и «происшествия». «События» являются результатом деятельности всего народа, результатом его «общественного и умственного быта» и составляют основу исторического процесса. От событий или великих дел «существенно отличаются дела малые или происшествия, хотя они и тесно между собою связаны. Происшествия возникают не из общих начал человечества, а из свободной воли человека, а потому... служат не причиной, чем они никогда не бывают, а только поводом действий. Когда событие созрело и готово вспыхнуть, то случай, иногда самый ничтожный, который в другое время остался бы даже незамеченным, разжигает пожар и становится происшествием, а происшествие перерождается в событие»⁶.

Исторический процесс Куторга рассматривает с точки зрения идеалистической диалектики, усматривая во всех событиях, больших и малых, борьбу двух начал, которые

¹ ЖМНП, 1867, № 1; «Русский вестник», 1873, № 3. К сожалению, работа осталась незавершенной. Не была написана часть, представлявшая наибольший интерес: в ней должна была идти речь об исторической науке в России.

² ЖМНП, 1867, № 1, стр. 172.

³ «Русский вестник», 1873, № 3, стр. 10—11.

⁴ Там же, стр. 24.

⁵ Там же, стр. 55.

⁶ Там же, стр. 57.

он называет действием и воздействием. «Изучение этих двух начал: действия и воздействия — принадлежит к числу самых главных предметов истории и есть первостепенная задача историка при описании событий. Они существуют всегда и везде, усматриваются в событиях и происшествиях; ими представляются в истинном свете те потрясающие государства волнения и перевороты, коих причина, при поверхностном наблюдении, кажется если не тайной, то загадочною»¹. Куторга подчеркивает положительное значение этой борьбы противоположных начал, пронизывающей собой всю историю. «Где нет ни преград, ни борьбы — нет ни могущества, ни образованности. История выставляет эту истину в виде положительного закона»².

Наиболее существенное проявление этой борьбы в истории состоит в смене одного общественного порядка другим. Свою мысль Куторга иллюстрирует положением, которое он берет у Монтескье. Указав, что каждый общественный строй имеет определенный предел своих возможностей, Куторга продолжает словами Монтескье: «Пока этот предел не наступит, ничто не превозмогает: заговоры, бунты, все разбивается о несокрушимую силу, охраняющую то, что хотели бы низвергнуть. Но если государственный строй, хотя, повидимому, и непоколебимый, перестанет быть полезным успеху человечества, тогда ни могущество предания, ни личная доблесть, ни память славных дел прошедшего не могут остановить и на день падения»³. Идеалистическая диалектика служила у Куторги обоснованием прогрессивного движения общества.

Исходя из этого, Куторга считал, что задача науки состоит не в коллекционировании фактов, а в изучении основных тенденций исторического процесса, что на его языке идеалиста формулировалось как изучение основной идеи истории. Идея, т. е. изучение генеральных путей истории и прежде всего изучение смены одних общественных форм другими, входит неотъемлемой и главнейшей частью в определение науки, как ее понимал Куторга.

Такова сильная сторона методологических взглядов Куторги, сложившихся у него еще в 30-е годы. Но либерализм и идеалистическая основа этих взглядов приводили Куторгу в ряде вопросов к прямым антинаучным выводам. Типичным примером может служить вопрос об исторической роли отдельных народов. Правильно утверждая, что задача каждого народа состоит в защите своего независимого существования и в создании самобытной культуры, Куторга сводил этот вопрос к духовным особенностям народа и считал, что если народ не создал своей независимости и своей культуры, то такой народ якобы не создал ничего для истории и потому не может называться историческим. Следуя укоренившейся традиции буржуазной историографии, Куторга делил народы на так называемые исторические и неисторические.

Не менее типичным примером является вопрос об оценке общественной роли науки. Отстаивая свободу мысли и защищая свободу науки от вмешательства дворянского государства, Куторга, следуя идеалистической догме, возводил эту свободу в абсолют и проповедывал тезис «наука для науки»⁴.

Как увидим в дальнейшем, Куторга при анализе конкретных явлений нередко отступал от этого взгляда.

Куторга читал древнюю, средневековую и новую историю Европы, но большую

¹ Там же, стр. 51.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 57.

⁴ «Русский вестник», 1873, № 3, стр. 24. В противоположность тезису Куторги «наука для науки», Грановский, как известно, отстаивал идею об общественном значении исторической науки. Расхождения между Куторгой и Грановским по этому вопросу породили полемику между учеником Куторги Стасюлевичем и сторонниками Грановского по поводу диссертации последнего «Аббат Сугерий». Эта полемика явилась поводом к появлению легенды о «петербургской» и «московской» школах русских историков, которая получила распространение не только в буржуазной историографии, но нашла сторонников и среди некоторых советских историков. Подобный «географический» принцип в определении исторических школ является совершенно порочным.

часть своей жизни отдал изучению античной Греции и это ставил себе главной задачей. Явно отступая от своего тезиса о «чистой» науке, он писал: «... Наука, а следовательно и история, не лишена применения, и в этом смысле история Греции имеет именно для нас, русских, особенный вес и значение: она служит к точнейшему уразумению нашей народности»¹. В своих работах Куторга не раз подчеркивает, что Европа исторически складывалась из двух главных частей: из мира романо-германского и мира греко-славянского. Ученые западноевропейских стран, изучая историю своего народа, всегда обращаются к Римской империи как своему предшественнику, от которого Западная Европа получила общественное и культурное наследие. Задача русских ученых, по мнению Куторги, состоит в том, чтобы обратиться к изучению древней Греции и Византии, как предшественникам славянских государств, оказавших большое и разностороннее влияние на историю славянских народов. «Изучая историю древних греков, мы изучим историю своих, если позволено так выразиться, духовных праотцев»².

Скудость источников о древнейших обитателях Греции заставила Куторгу искать исторических параллелей, чтобы иметь возможность хотя бы косвенно, при помощи аналогий, судить об общественном строе древнейших племен Балканского полуострова. Такой параллелью Куторга считал сравнительно хорошо изученный общественный строй древних германцев. Одной из ранних работ Куторги поэтому была книга «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837 г.), дающая возможность судить о некоторых его основных методологических взглядах.

Исходным пунктом в анализе общественного строя древних германцев у Куторги служит ходячее в буржуазной историографии представление, что общество произошло якобы из соединения моногамных семей в целях общей защиты. Род и племя, с этой точки зрения, — только различные масштабы «увеличенного семейства». Цель такого соединения семейства — общая защита, его хозяйственная основа — земельная собственность³. Куторга решительно отвергает мысль об извечности частной собственности. В противовес этому он выдвигает мнение о коллективном характере древней собственности. «Внимательное чтение Юлия Цезаря, Тацита и последующих народных законов приводит к убеждению, что первоначально вся земля, вновь занятая, рассматривалась как собственность целого общества..., что каждый приобретал свой участок не своевольно, но по назначению народного собрания...»⁴.

В соответствии с общей собственностью у древних германцев не было «политиче-

Принадлежность историка к той или иной школе определяется содержанием его политических взглядов и его исторической концепции. С этой единственно правильной точки зрения Куторга и Грановский принадлежали к одной и той же школе историков-либералов первой половины XIX в. Разногласия между ними по отдельным вопросам были разногласиями внутри одного и того же лагеря. С точки зрения сторонников идеи о «петербургской» и «московской» школах Куторга и Грановский были представителями разных «школ», зато Грановский и реакционер Леонтьев оказываются представителями одной «школы», несмотря на то, что Леонтьев, полемизируя со Стасюлевичем, открещивался от Грановского. К тому же все аргументы сторонников этой легенды противоречат фактам. Никто из них не сформулировал признаков «петербургской» и «московской» школ. Основной их довод о том, что в Петербурге политические порядки были якобы более суровыми, чем в Москве, не соответствует действительности, ибо известно, в каких тяжелых условиях находился Грановский, работавший в Москве и считавший, что из подобных условий «нет выхода живому». Нельзя также всерьез считать, что в Петербурге сидели эрудиты, излагавшие историю по источникам, а в Москве — мастера «повествовательного» изложения. Совершенно очевидно, что конструирование такого рода «школ» антинаучно.

¹ ЖМНП, 1867, № 1 стр. 167.

² Там же, стр. 171.

³ М. С. К у т о р г а, Политическое устройство германцев до шестого столетия, СПб., 1837, стр. 80—81.

⁴ Там же, стр. 54.

ски разделенных сословий»; другими словами, у них «не было ни дворянства, ни низшего класса народа...»¹, не было также «особенного наследственного сословия жрецов, как думают некоторые писатели»². Древние германцы делились только на «граждан и не-граждан»; к последним принадлежали рабы. Основной причиной, порождавшей тогда рабство, Куторга считает войну. Государства у германцев времен Цезаря и Тацита также не было, «каждый гражданин был в одно и то же время воином, владельцем, правителем и законодателем»³, осуществляя все это через свое народное собрание, на котором «все, без различия, имели право подавать голоса или делать предложения»⁴. Государство — явление более позднее. Происхождение его Куторга рассматривает с наиболее распространенной в буржуазной истории точки зрения. Оно, по представлению Куторги, возникает из необходимости внешней защиты, и является поэтому не чем иным, как расширением масштаба более ранних объединений, созданных в этих же целях.

С тех же позиций, с каких Куторга рассматривал общественный строй древних германцев, он подходил к древнейшему периоду истории Греции. Нужно сказать, что этот древнейший период занимает в работах Куторги особое место. Ему посвящены: магистерская диссертация Куторги «*De tribubus Atticis eorumque cum regni partibus nexu*» (1832 г.), его докторская диссертация «*Колена и сословия аттические*» (1838 г.), представляющая развитие идей его латинской диссертации, «История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада» (1848 г.), «Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клизфена» (1853 г.), «Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед Персидскими войнами» (1875 г.). Иначе говоря, вплоть до 80-х годов внимание Куторги сосредоточено главным образом на периоде доклассической Греции. В противовес нибуровскому критицизму, имевшему многочисленных последователей на Западе, в противовес гиперкритике, выросшей на этой почве, Куторга ставил своей задачей на основании исторической традиции самих греков воссоздать коллективные формы древнейшей собственности, формирование классов и их борьбу, историю древнейшего греческого государства.

Опираясь на данные Исократы, которые он сравнивает с данными Тацита, Куторга приходит к выводу, что у древнейшего населения Балкан господствовала общественная собственность на землю. Каждое поселение составляло отдельную общину, управлявшуюся общинной сходкой, земля делилась по жребию; общины объединялись в роды, а роды — в племена. Государства еще не существовало. Возникновение классов и государства Куторга связывает с иноземным завоеванием — ионян в Аттике, дорян в Пелопоннесе. Происхождение классов и государства из завоевания Куторга считает общим правилом. «Вот начало сословий в государствах древнего мира! Все сии государства представляют первоначально противоположность между победителями и побежденными, основанную на различии происхождения и силы и утвержденную завоеванием»⁵. Но такое различие, по мнению Куторги, продержалось недолго; с тех пор как завоеватели осели на новых местах, началось формирование новых классов в силу социального расслоения. «Следствием этого события было, наконец, прекращение двух прежних классов, победителей и побежденных, и происхождение сословий, оставшихся в республике до законодательства Солона»⁶.

В Аттике состоятельные земледельцы составляли класс эвпатридов, господствовавший над земледельческим населением — геоморами и метеками, а также ремесленниками — демиургами. Известное время народ мирился с господством эвпатридов, но затем повел борьбу против этого господства. Это стояло в прямой связи с увеличе-

¹ Там же, стр. 114.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ М. С. Куторга, *Колена и сословия аттические*, СПб., 1838, стр. 24.

⁶ М. С. Куторга, *Критические разыскания о законодательстве Алкмеонида Клизфена*, «Пропилен», кн. III, М., 1853, стр. 184.

нием социального значения простого народа (димотов, или дима — по терминологии Куторги). «С распространением ремесл, торговли и мореходства, — пишет Куторга, — принявших громадные, вернее говоря, всемирные размеры, коих средоточием была Греция, и с увеличением денежных оборотов, поддерживавших международные сношения, водворялись и между демотами у одних довольство и благосостояние, у других даже богатство. Естественно, что димоты... стали помышлять о правах политических и о равенстве с аристократами»¹. Аристократы, «увлеченные корыстью, всего же более побуждаемые надменностью», стремились «подавить это движение, но тем увеличивали только раздражение димотов и сами были виновниками того, что дим, не ограничиваясь представлениями мирными, восстал с оружием в руках против своих правителей. Эта эпоха древней греческой истории носит название борьбы демократии с аристократией и составляет важнейший политический переворот или революцию...»². Куторга не раз подчеркивает, что борьба народа с аристократией в греческих государствах была настоящей гражданской войной. В этих условиях какие-либо половинчатые уступки были явно недостаточны.

Именно такой ожесточенный характер носила эта борьба в Афинах. Оценивая социальные мероприятия Солона, Куторга считает их чрезвычайно разумными вследствие их умеренного характера. «Солон предупредил те ужасные требования о разделе поместий и уничтожении долгов, которые могли погубить республику»³. Что же касается п о л и т и ч е с к и х р е ф о р м Солона, то Куторга их находит «слабыми и нерешительными». Реформатор стремился к компромиссу между враждующими сторонами, и это, подчеркивает Куторга, было обусловлено самой социальной принадлежностью Солона, ибо «как потомок царя Кодра, он принадлежал к числу эвпатридов и занимал почетное место в самой высшей афинской аристократии. Это его общественное положение и отразилось в принятых им политических мерах»⁴.

Компромиссная политика Солона была «недостаточна и бесполезна. Дим искал с оружием в руках равноправности с аристократами и мог успокоиться только после полного удовлетворения своих требований... Полумеры Солона не удовлетворили никого; прежние партии вновь восстали»⁵. В этой обстановке вырастает тирания, которую Куторга рассматривает как орудие борьбы народа с эвпатридами. «Появление тиранов есть вернейший признак демократического движения и притом столь сильного, что оно не могло уж быть подавлено»⁶. Несмотря на все свои отрицательные стороны, тирания расчищала демократии путь к власти, хотя и не привела к ее установлению.

Актом, который, по мнению Куторги, сыграл решающую роль в победе народа над аристократией, была реформа Клисфена. Куторга нигде не указывает на то, что основной мерой Клисфена, наносившей удар по аристократии, была замена родового деления Аттики делением территориальным, но он выражает эту же мысль, противопоставляя десять п о л и т и ч е с к и х фил, созданных по реформе Клисфена, четырем р о д о в ы м филам, существовавшим до этой реформы. Кроме того, Куторга подчеркивает, что реформа Клисфена означала дальнейшее расширение состава афинских граждан. Так, по его мнению, закончилось формирование афинской демократии, вступившей при Перикле в период своего расцвета.

Однако победа афинской демократии и установление «правильного и законного исполнения государственных постановлений» вовсе не означали, утверждает Куторга, прекращения борьбы между народом и аристократией. Эта борьба продолжалась в форме борьбы аристократической и демократической партий в Афинах, протекавшей в рамках афинской демократии и особенно дававшей о себе знать во время персидских

¹ М. С. К у т о р г а, Борьба демократии с аристократией, «Русский вестник», 1875, ноябрь, стр. 7.

² Там же, стр. 6—7.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 33.

⁵ Там же, стр. 36.

⁶ Там же, стр. 14.

и пелопоннесской войн, когда борьба народа с аристократией тесно переплеталась с борьбой внешней и оказывала сильное влияние на внешнюю политику всех греческих государств. «Вся Греция распалась в политическом отношении на два противоположных и непримиримых отдела, из коих один состоял из государств аристократических, а другой демократических»¹. Во главе первых стояла Спарта, во главе вторых — Афины. Аристократия в борьбе с народом своего государства, как правило, апеллировала к внешней силе — к Спарте или к Персии, несмотря на то, что в последнем случае это означало полную измену общегреческому делу. Так, например, поступили аристократы государств северной Греции, которые бросились «искать помощи вне своего отечества, ибо одни спартанцы не могли защитить их. Они обратились к персам»².

Еще более разительный пример представляет, по мнению Куторги, история малоазиатских греческих городов. Там шла острая борьба народа с аристократией. «... Эвпатриды протягивали дружески руку персам и просили спасти их от ненавистных им плебеев. Этот союз и был причиною падения малоазиатских поселений. Милет и другие города вооружились как против персов для приобретения независимости, так и против олигархов, которые утесняли их с персидской помощью. Они надеялись на помощь своих соотечественников и были уверены в успехах», но только некоторые демократические республики пытались оказать им помощь, «республики же аристократические смотрели равнодушно на их гибель, потому что в поражении персов они видели возвышение демократии, т. е. собственное поражение»³.

Куторга считал, что борьба демократии с аристократией была одной из главных причин столкновений между греческими государствами, однако она не была единственной, к ней часто прибавлялись причины экономического порядка. Примером может служить война Афин с Эгиной, вспыхнувшая из-за захвата эгинцами афинской теориды — корабля, на котором находилось посольство. «... Нельзя сомневаться, что причины этой войны были более глубокими и происходили от выгод политических и торговых. Здесь не только боролась аристократия с демократией; но могущественное морское и промышленное государство, господствовавшее доселе в архипелаге, встретилось... с новым соперником, дерзнувшим оспаривать у него первенство. Их встреча была кровопролитной, ибо они сражались за свое существование, а пленение теориды было только предлогом»⁴. Анализируя события V века, Куторга делает заключение, что войны между греческими государствами, переплетавшиеся с борьбой социальных групп и вмешательством Персии, становились все более ожесточенными. Во время персидских войн Греция еще умела сохранять единство перед лицом врага, война же Пелопоннесская означала ожесточенную войну между народом и аристократией.

Наряду с социально-политической историей Куторга занимался и историей культуры древней Греции, в особенности ранней греческой историографией. Он написал специальное исследование о догеродотовском периоде греческой исторической литературы⁵. Это историографическое сочинение Куторги содержит разбор ранних исторических известий греческих писателей с точки зрения филиации идей и большого интереса ныне не представляет. Однако заслуживают внимания отдельные попытки Куторги связать некоторые явления греческой культуры с политической борьбой. Куторга настойчиво подчеркивает, что классовая борьба в древней Греции была тем живительным источником, из которого питалась культура древних греков: «Такова была древняя Греция: в ней все исполнено было противоположностей, и политика, и искусство, и литература. Но эта самая противоположность и происходящая оттуда борьба обнаруживает постоянную деятельность и умственное развитие греков. Без

¹ М. С. К у т о р г а, История Афинской республики от убийства Иппарха до смерти Мильтиада, СПб., 1848, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

³ Там же стр. 6—7.

⁴ Там же, стр. 86.

⁵ М. С. К у т о р г а, Собр. соч., т. II, стр. 1—195.

нее этот гениальный народ походил бы на египетские мумии и не представил бы потомству тех великих дел, которым не перестает удивляться образованная Европа»¹.

Говоря о древнейших исторических писателях, Куторга видел источник их идей в современной им действительности. Эту же связь с исторической действительностью он подчеркивает и при оценке ранних греческих поэтов. Политическая борьба, пишет Куторга, «не только не была пагубной для умственного развития греков, но напротив, даже ему способствовала. Она сопровождалась многими доблестными подвигами, утвердила государственные постановления и произвела прекрасную и богатую литературу, заставляющую удивляться гениальности этого народа». Греческие поэты «никогда не отделялись от общества, принимали живое участие во всем, что происходило в государстве и, следовательно, непременно принадлежали к какой-нибудь политической партии. Феогнид и Пиндар прославляли аристократию, Симонид, напротив, демократию»². Таким же образом объясняет Куторга и развитие древнегреческой философии. Источником расцвета философии классического периода была завоеванная греками демократия. «Философское учение не шло у эллинов в разрез с политической жизнью и не опровергало оной: оно, напротив, ее улучшало и облагораживало, ибо развивало нравственные понятия и заботилось об их водворении». Именно поэтому философия греков падает с падением самой демократии: «Когда древняя свобода пала, когда независимость эллинских общин прекратилась, и римляне попрали их прежние вольности», тогда, пишет Куторга, философия «преобразилась в созерцание отвлеченных понятий, которые часто излагались красноречиво и с большим остроумием, но редко могли бы примениться к действительной жизни, тем более, что... языческое общество только прозябало, питаясь славой великих дел прошедшего и умственными трудами праотцев»³.

Таков, по мнению Куторги, общий ход древнегреческой истории, сводящийся в основном к борьбе и установлению демократии. Но изображая древнегреческую демократию как образец гражданской свободы, Куторга не игнорировал того обстоятельства, что эта демократия была рабовладельческой. «Рабство составляло неотъемлемую, присущую часть древних республик, и без знания одного изучения греческой истории не будет полным»⁴. Изучению рабства в Греции Куторга посвятил большую монографию «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике»⁵.

Рабов Куторга рассматривал как «людей, составлявших самую многочисленную часть населения древней Греции... людей трудолюбивых, полезных, обративших в цветущий сад даже горные местности, но лишенных свободы и угнетенных, хотя содействовавших благополучию своих повелителей и поддерживавших их блеск и славу»⁶. Куторга подчеркивал, что все здание греческой демократии и греческой культуры было воздвигнуто на труде рабов. «Доставляя все средства и удобства жизни, рабы освобождали граждан, посредством своего труда, от всех хозяйственных забот и дали им тем самым полный досуг и все способы посвятить себя делам правительственным и военным, науке, литературе и искусствам...»⁷.

Куторга рассматривал рабов как категорию историческую. В эпоху родового строя рабства не было, оно возникало постепенно в силу общественных причин. Завоевание, плен, купля, долги являлись обычными источниками рабства, которое развивалось вместе с развитием хозяйства древних греков и стало основой всей гражданской жизни. Рабовладельцы были ничтожным меньшинством в государстве. «Эллинскую республикою называлась весьма небольшая община граждан, которые одни управляли, судили и издавали законы; одновластвовали над громадным числом рабов,

¹ М. С. К у т о р г а, История Афинской республики..., стр. 12.

² Там же, собр. соч., т. I, стр. 134.

³ Там же, стр. 134.

⁴ Там же, стр. 177.

⁵ См. там же, стр. 153-560.

⁶ Там же, стр. 461.

⁷ Там же, стр. 465.

распоряжаясь ими как вещью; одни первенствовали над метеками, бывшими только свободными, но устранившими от гражданства»¹. Это господствующее меньшинство «только обогащались, никогда лично не трудясь и не работая над ремеслами, ибо считали подобное занятие унижением достоинств гражданина»². Цель рабовладельца — эксплуатация раба. «Забота эллинского господина была направлена на достижение возможно большей выгоды от своих рабов, а потому все, что дворовые люди производили и к чему оказывались способны, все исполняемые ими поручения, их служба, заработки, рукоделия, ремесла, словом, весь их труд обогащал только владельца и ценился по мере возрастания его достояния»³.

Куторга подробно исследует размеры рабовладения, формы эксплуатации рабов, бесчеловечный режим, которому рабы подвергались. Нигде безжалостные меры против рабов, пишет Куторга, «не дошли до тех ужасов, какими сопровождалась у спартанцев, где переродились в явные, утверждаемые правительственными лицами кровопролития, исполняемые с единственной целью поддержать незыблемым господство гражданского сословия. Разумею так называемую криптию или тайно подготовляемое и тайно производимое избиение рабов..., о чем даже сами греческие писатели упоминают с чувством негодования и непритворного осуждения»⁴. Но даже в тех случаях, когда рабовладельцы создавали более сносный режим для рабов — как это было в Афинах по сравнению со Спартой, — то и тогда это делалось в интересах рабовладельцев. «Трудно предположить, чтобы сами рабовладельцы, без какой-либо важной, личной необходимости, лишили себя добровольно своих доходов»⁵.

Бесчеловечные жестокости к рабам, пишет Куторга, выражали страх рабовладельцев перед рабами. Этот страх свидетельствовал о том, что нигде в Греции граждане не могли «спокойно посвящать себя делам общины и владеть без тревоги приобретенными благами. Рабы, живя постоянно под гнетом, не упускали случаев, предоставлявших им возможность если не достигнуть вольности, то вредить своим властелинам»⁶. Куторга безоговорочно оправдывает борьбу рабов против угнетателей, ибо стремление рабов «к облегчению своей участи было естественным и законным: оно вытекало из врожденного человеку чувства свободы...»⁷ и вызывалось гнетом самих же рабовладельцев.

Куторга весьма тщательно отыскивает в греческих источниках факты борьбы рабов за свою свободу. Из показания Афиней он заключает о крупном восстании рабов в Греции, когда «многие мириады аттических рабов... работали в рудниках в оковах..., возмущившись, они убили поставленных в рудники стражей, завладели Сунвийским акрополем и долгое время опустошали Аттику. Это происходило в эпоху второго восстания рабов в Сицилии»⁸. Более частыми возмущения рабов были во время войн, являвшихся «всегда для рабов желанным событием, ибо, манимые обещаниями, они без труда могли перебежать к неприятелю»⁹. Учитывая поведение рабов во время войны, афиняне «издали закон, которым воспрещалось господам бить своих рабов в продолжение военных действий». Этот закон, по мнению Куторги, «установлен был, вероятно, после Пелопоннесской войны, с целью предупредить повторение происшедшего тогда бегства рабов к неприятелю...»¹⁰.

¹ Там же, стр. 92.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 178.

⁴ Там же, стр. 267.

⁵ Там же, стр. 474.

⁶ Там же, стр. 268.

⁷ Там же, стр. 269.

⁸ М. С. К у т о р г а, Собр. соч., т. I, стр. 161—162. Приведенные слова являются сокращенной цитатой из Афиней.

⁹ Там же, стр. 269—270.

¹⁰ Там же, стр. 468.

Такова в основных чертах концепция истории древней Греции, созданная Куторгой. Ее характерными чертами были идея классовой борьбы, идеи демократии, внимание к положению трудящихся. Принцип классовой борьбы Куторга распространял на всю мировую историю; тот «эгоизм», который он находил в отношениях между рабами и рабовладельцами, он видел в отношениях между враждебными классами во всех странах и во все времена, ибо, писал Куторга, «история неумолима: она убеждает, что эгоизм существует и при высокой образованности; что он чужд человеколюбию, и что даже христианство не устраняет деяний, превосходящих, если возможно, само порабощение илотов. Наше время богато событиями и примерами, которым могли бы позавидовать и спартанские эфоры, посылавшие молодых людей в тайническую засаду»¹.

Но в последний период своей жизни Куторга проделал заметную эволюцию вправо, что стояло в тесной связи с поправлением русского либерализма, особенно в условиях реакции 80-х годов. В свою историческую концепцию Куторга внес ряд существенных поправок, идущих в одном и том же направлении — в сторону отказа от идей классовой борьбы. Свидетельством этого является его большая монография последних лет «Афинская полиция. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение» (1885—1886 гг.)². Следует сказать, что переход Куторги от признания классовой борьбы к проповеди классового мира не является чем-то новым и неожиданным. Для него, как мы видели, с самого начала демократия и «законность» сочетались в едином понятии. Выступая против феодализма, Куторга всегда был решительно против революционных изменений. Эта либеральная основа его взглядов сказывалась уже в ранних произведениях Куторги. В своей докторской диссертации «Колена и сословия аттические» (1838 г.) он писал: «Самая трудная и едва ли разрешимая для человека задача состоит в том, чтобы уклониться как от беспредельных перемен и нововведений, так и от совершенного противоборства всякому усовершенствованию и успеху, что оканчивается обыкновенно внутренней смертью... Господство благородных эвпатридов и сила общины погибли от подобного устранения всех элементов; охлократия, напротив, — от чрезмерного непостоянства и изменений»³. Высказывания подобного рода встречаются и в других произведениях раннего периода. Но Куторгу прежде всего интересовала тогда борьба противоположностей, «эгоизм» борющихся классов и те общественные перемены, которые происходили в результате классовых столкновений и которые привели к образованию афинской демократии. Теперь же либеральная тенденция, боязнь перемен выступила на первый план, привела к пересмотру всей концепции Куторги.

Лежавшая в основе концепции М. С. Куторги буржуазная теория классовой борьбы, авторами которой были О. Тьерри, Гизо и Минье, опиралась, как известно, на идею завоевания и идею борьбы сословий. Как мы видели, идея завоевания нашла у Куторги свое полное применение к древнейшей истории Греции. Что же касается борьбы сословий, то Куторга здесь пошел значительно дальше французских авторов этой теории. Если у тех речь шла почти исключительно о борьбе между имущими классами — буржуазией и дворянством, то Куторга говорил не только о борьбе между демократическими и аристократическими лагерями рабовладельцев, но и пристально интересовался положением рабов и их борьбой с рабовладельцами. Другими словами, у Куторги теория борьбы классов охватывает более широкую область социальных отношений, чем у историков Франции.

Пересмотр Куторгой своей исторической концепции коснулся ее обеих исходных моментов. В противоположность своим прежним работам, Куторга в работе об Афинской политике отказался от теории завоевания. Если он раньше утверждал, что ионийцы и дорийцы являлись завоевателями греческой территории и это завоевание было исходным моментом в борьбе двух «сословий» — завоевателей и завоеванных, то теперь он утверждает, что древние греки были исконным населением своей территории, «пря-

¹ Там же, стр. 276. Под тайнической засадой разумеются спартанские криптии.

² М. С. Куторга, Собр. соч., т. II, стр. 195—438.

³ М. С. Куторга, Колена и сословия аттические, стр. 30.

мыми потомками первобытных жителей страны»¹. Теперь Куторга решительно отвергает возможность завоевания одного народа другим в древнейший период Греции, ибо, по его словам, древние историки совершенно «не упоминают о переселениях целыми народами», и речь может идти лишь о набегах отдельных дружин, которые не приносили каких-либо существенных последствий для местного населения.

Теория завоевания Куторги в ее первоначальной интерпретации как исходного момента в образовании классов в Греции, как известно, не соответствует исторической действительности. Но эта теория была попыткой наметить исходный момент для борьбы классов в истории, распространить классовую борьбу на первобытное общество, когда сами классы еще не сформировались. При всей антиисторичности эта теория ставила своей задачей подчинить весь исторический процесс идее борьбы противоположностей. Отказ от теории завоевания в данном случае означал отказ от идеи борьбы противоположных сил в истории.

Проявлением этой же тенденции был новый подход Куторги к оценке афинской демократии. В прежних работах, как мы видели, Куторга рассматривал афинскую рабовладельческую демократию как результат победы народа над аристократией. Теперь же он дает иную трактовку всей истории установления демократии: демократия, свергнув державшуюся насильственными мерами аристократию, в свою очередь явилась строем весьма несовершенным, «в ней хранился зародыш будущих смут и волнений, ибо преобладая над...своими прежними властителями, она пробуждала в них всегдашнюю готовность возвратить утраченное и лишить, в свою очередь, демократов приобретенного ими господства»². Именно то обстоятельство, что афинская демократия была «видом воинствующей республики», делало ее в глазах Куторги «диктаторским» режимом по отношению к аристократии и новым источником гражданской войны.

Куторга старается теперь отыскать новый строй, который небыл бы, по его мнению, преобладанием одной части общества над другой, ибо, подчеркивает он, «преобладанию или господству, поддерживаемому только многочисленностью, не суждена долговечность, в нем таится зародыш собственного падения»³. Куторга находит удовлетворяющие его политические порядки в виде так называемой «политии», созданной Периклом. Куторга рассматривает афинскую демократию при Перикле не как продолжение и развитие предшествующих порядков Афинской республики, а как совершенно новый строй, якобы пришедший на смену демократии и поэтому обозначаемый новым термином «полития». Аристократия, демократия и полития — таковы, по мысли Куторги, ступени древнегреческой истории эпохи ее восхождения и расцвета. Преимущества политии по сравнению с демократией, как полагает Куторга, состоят прежде всего в том, что, в противоположность демократии, она устанавливается без революции. «Демократия учредилась вследствие внутренних раздоров, сопровождавшихся часто кровопролитными междоусобиями, и представляла собой политический переворот... полития, напротив, была преобразованием, не переворотом», борьба велась «не на поле битвы, ораторским словом, не оружием; ни восстаний, ни потрясений, спутников водворения демократии, не происходило, и полития установилась не вдруг, не мгновенно, а вырабатывалась постепенно... рядом законов, свободно обсуждавшихся в вече граждан афинян и принятых большинством оного»⁴.

Но помимо способа установления, полития отличается от демократии и по своему существу. Задача, которая, по словам Куторги, стояла тогда перед Афинами, состояла в том, чтобы «признать всех, как прежних аристократов, так и прежних демократов, равными гражданами республики, соединить всех в единую нераздельную гражданскую общину..., распространив на всех граждан равноправность, предоставлять пер-

¹ М. С. К у т о р г а, Собр. соч., т. II, стр. 429.

² Там же, стр. 204.

³ Там же, стр. 299—300.

⁴ Там же, стр. 290.

венство не рождению и не богатству, а уму и даровитости»¹. Что на деле означало это «преобладание по уму и даровитости», показывают слова Куторги, когда он оценивает деятельность Перикла, своего героя, установившего политику. Перикл, пишет Куторга, лишил аристократов всех сословных преимуществ, но «не только не коснулся их имуществ, но еще более оградил оные», «возвысил и политически образовал дим, но уничтожил в корне анархические стремления, присущие демократической толпе, преобладающей численностью и руководимой демагогами»². Во всем этом нетрудно видеть идеал либерала, мечтающего о таком общественном строе, где сочетается формальное равенство перед законом, неприкосновенность частной собственности и борьба с революцией.

Раньше считавший, что именно непрерывная борьба противоположных сил создала греческую демократию и всю греческую культуру, Куторга теперь исходит из противоположного тезиса. «Успех... общества и с ним процветание государства зависят от внутреннего спокойствия и от единодушного стремления всех граждан содействовать общему благосостоянию»³.

И характерно, что всегда видевший в борьбе сословий всемогущую внутреннюю причину развития Греции, Куторга теперь склонен искать эту причину вовне. Интересовавшийся и прежде влиянием древнего Востока на Грецию, Куторга в 70-е годы пишет специальную монографию «Влияние Востока на развитие эллинской образованности»⁴, где он приходит к выводу, что весь общественный строй и вся древнегреческая культура складывались под сильнейшим влиянием Востока. Даже наивысшее, с его точки зрения, достижение греков — «полития» оказывается заимствованной у финикийцев: «... истинное величие финикийян состоит в учреждении ими гражданской общины..., которую они изобрели впервые и которая, будучи перенесена ими в Грецию, послужила корнем... республиканскому правлению, известному у эллинов под именем политии. Эта заслуга принадлежит финикийцам нераздельно ни с кем и дает им право на всемирно-историческое значение»⁵.

Куторга считал, что главным итогом всей его научной деятельности является открытие политии, как особой формы государства, определение ее места в истории древней Греции. Он был убежден, что все изучавшие до него древнегреческую демократию упустили из виду самое важное — политику. «Ученые воздвигли великолепное здание, дивно отделанное и убранное, но без крыши»⁶. Куторга полагал, что именно на его долю выпало увенчать изучение истории древних греков открытием всемирно-исторического значения главного их деяния — афинской политии.

Однако в дальнейшем развитии русской историографии всеобщей истории сыграли важную роль не изыскания М. С. Куторги в области политии, а вся совокупность его работ по истории Греции, основанных на тщательном изучении источников. Не без основания современники называли его «первоначальником» в изучении истории древней Греции в русской исторической науке. Куторга действительно положил начало самостоятельному изучению античной Греции русскими историками, проделав эту работу с позиций передовой буржуазной науки своего времени.

М. А. Аллатов

¹ Там же, стр. 204.

² Там же, стр. 343.

³ Там же, стр. 204.

⁴ Там же, стр. 439—613.

⁵ Там же, стр. 469.

⁶ Там же, стр. 205.